

© 2004 г.

А.Л. САЛАГАЕВ, А.В. ШАШКИН

МОЛОДЕЖНЫЕ ГРУППИРОВКИ - ОПЫТ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

САЛАГАЕВ Александр Леонидович - доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского государственного технологического университета. ШАШКИН Александр Владимирович - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора девиантного поведения Института социологии РАН.

Вопрос "Что такое молодежная группировка?" до сих пор остается открытым как для ученых, так и для практиков, работающих с подростками. Сложность концептуализации данного понятия ведет к появлению дополнительных трудностей в работе с конкретными подростковыми и молодежными группами для правоохранительных

органов, общественных организаций и государства в целом. Поиск однозначного определения данного понятия также важен и в исследовательских целях: дискуссии по этому поводу активно ведутся в социологической литературе. Вопрос определения базового понятия оказывается еще более сложным, если мы попытаемся обнаружить общие характеристики "проблемных молодежных групп" в различных социокультурных и национальных контекстах.

Вместе с тем, в течение последних нескольких лет наблюдается прогресс в поиске ответов на поставленный вопрос. Прежде всего, это связано с деятельностью исследовательского сообщества "Еврогруппировка" (Eurogang), в которое входят ученые из европейских стран и США. С 1997 г. это сообщество поэтапно реализует проект сравнительного международного комплексного исследования группировок/проблемных молодежных групп.

Авторская попытка концептуализации феномена делинквентных группировок основана на 15-летнем опыте его изучения в городах Поволжского региона России (Казани, Набережных Челнах, Азнакаево, Ульяновске, Димитровграде и др.), результаты которого побудили журналистов говорить о так называемом казанском феномене [1]. Исходным в нашем анализе выступают различия между собственно группировками и традиционными соседскими молодежными группами (дворовыми компаниями). Традиционную соседскую группу и группировку можно отнести к более широкому понятию, каким является "подростково-молодежное территориальное сообщество". Атрибутивными характеристиками подобных сообществ, на наш взгляд, являются территориальность, сходный возраст членов, незавершенность первичной социализации, ситуационная активность и недолговременность существования.

Основные разновидности территориальных подростково-молодежных сообществ - дворовая компания (игровая группа) и делинквентная (проблемная уличная) группировка - не различаются по атрибутивным признакам, их можно отличить лишь по функциональным и структурным характеристикам. Признаком дворовой компании является направленность на совместное проведение досуга, тогда как функциональными проявлениями проблемной молодежной группы являются делинквентность и насильственный характер действий. В отличие от дворовой компании, характеризующейся во многом спонтанными ситуативными структурами, группировка имеет такие характеристики, как установленная возрастная стратификация, жесткая формальная иерархия и организация: распределение ролей, обязательные сборы членов, собиранье "дани" и вкладывание денег в общую кассу, участие в групповых драках, "охрана" территории и т.п. Вместе с тем важно отметить, что структурные характеристики группировок могут отличаться в зависимости от культурного контекста их существования; а указанные молодежные формирования являются полярными точками континуума, включающего различные модификации подросткового сообщества.

Предложенная типология позволяет исключить из рассмотрения те группы, которые не обладают всеми рассмотренными признаками. Так, в данном случае мы не рассматриваем такие молодежные образования, как группы, созданные и финансируемые взрослыми; различные субкультурные молодежные группы, не имеющие территориальной привязанности (байкеры, роллеры и т.п.).

Подход, реализуемый исследователями "Еврогруппировка", базируется на формальном определении понятия "делинквентной группировки", затем предлагается типология таких групп. Согласно этому подходу подобная группировка должна состоять из молодых людей (средний возраст участников таких групп варьируется от 13 до 20 с небольшим лет); быть долговременной (существовать несколько месяцев и более, а также воспроизводить свое существование, несмотря на смену группового состава), уличной (группа проводит большую часть свободного времени вне дома, работы или школы); быть вовлеченной в противоправные действия (делинквентное поведение, а не только в деятельность, вызывающую беспокойство). Причем противоправное поведение является частью групповой идентичности, а не элементом индивидуальных представлений отдельных членов группы о самих себе. Необходимо отметить, что

вопрос о территориальной привязанности был исключен из финального определения группировки, что сделало его гораздо шире (большинство европейских группировок не имеет этой ярко выраженной характеристики). В нашем исследовании мы использовали и типологию группировок, предложенную американскими учеными М. Клейном и Ч. Максоном [2]. Они выделяют такие признаки, как размер группы, возраст членов, наличие подгрупп, территориальная привязанность и, главное, противоправная деятельность (хулиганство, групповые драки, грабеж, разбой и т.п.).

До 1980-х годов организованные молодежные группы либо вообще не упоминались в российской литературе по делинквенции, либо рассматривались в рамках проблематики "неформальных групп". Начало исследования подростково-молодежных группировок в Российской Федерации можно отнести к концу 1980-х годов. В Казани их проводила социологическая лаборатория КазГУ в 1986-1995 гг. (А. Салагаев, Р. Максудов, А. Гатауллин) [3]; в Люберцах Московской области в 1986 г. - НИИ МВД (В. Овчинский и А. Кашелкин) [4]; в Волгограде в 1988 г. (С. Сибиряков) [5]; в 1989-1990 гг. в Томске и Казани (Томский университет, Л. Прокументов, А. Шеслер при участии Р. Булатова (Аппарат Президента ТССР)) [6]. Кроме того, были выполнены работы на основе изучения статистики преступности (Академия МВД, Б. Петелин) [7] и анализа писем и газетных публикаций (Л. Агеева) [8]. В середине 1990-х по данной тематике были защищены две кандидатские диссертации [9]. Вместе с тем данные исследования не затрагивали целого ряда теоретических вопросов: методологических подходов и методик исследования группировок, определения понятия "группировка", способов выявления членства подростков в проблемных молодежных группах и т.п. Со второй половины 1990-х годов, несмотря на существование феномена молодежных группировок, исследования и публикации прекратились.

Настоящая статья основана на результатах экспертного опроса и опроса молодежи в школах двух российских городов - Москвы и Казани (2003 г.)¹. При этом мы ставили прежде всего задачи уточнения исследовательской проблемы и испытания инструментария, который был разработан с участием авторов в рамках исследовательской программы "Еврогруппировка" и рассчитан на возможность сравнения с данными аналогичных исследований, проводимых в Европе и США.

Термин "группировка", или "шайка", впервые появился в Америке для обозначения групп делинквентной молодежи. Многие годы молодежные группировки считались сугубо американским феноменом, хотя позднее было доказано, что в целом ряде европейских городов также существуют группы проблемной молодежи [10]. Заметим, что российские группировки значительно отличаются от американских и европейских шайк.

Особенностью российских территориальных делинквентных группировок по сравнению с западными выступает, во-первых, то, что их легко отличить от других подростковых микрокультур, существующих в России, прежде всего по их территориальной привязанности и высокой делинквентной активности. Во-вторых, российские группировки этнически гетерогенны и их существование прямо не связано с межрегиональной миграцией. Костяк группировки, как правило, составляют коренные жители определенной территории, хорошо знающие свой район и членов местного сообщества. В-третьих, наши многолетние исследования позволяют говорить о связи между "традиционными" подростковыми группировками (данный термин, прежде всего, относится к группам "казанского типа") и организованной преступностью: их члены образуют молодой резерв мафии, особо отличившиеся представители которого в дальнейшем войдут в те или иные взрослые преступные группы. Кроме того, "традиционные" российские группировки в отличие от западных репрезентируют и воспроизводят тюремные нормы и ценности. Их также отличает нетерпимость к представителям иных молодежных культур, сексизм и неприятие к употреблению наркотиков. В группировках

---

1 В организации и проведении исследования принимали участие И. Щербакова и И. Туриянский.

"казанского типа" существует строгое разделение функций (лидер, кассир, оружейник и т.п.), жесткая возрастная стратификация, постоянные социальные связи, самовоспроизводимые за счет рекрутирования новых членов и сбора средств в общий денежный фонд группировки ("общак").

Для групп "казанского типа" характерны определенные социальные и экономические условия возникновения. Одной из базовых предпосылок молодежной организованной преступности в нашей стране явилась теневая экономика, складывавшаяся начиная с хозяйственной реформы 1964 г., когда обнаружилась устойчивая тенденция распространения такой формы хищения, как выпуск неучтенной продукции, изготавливаемой в специально созданных (а порой и легальных) цехах. Появление нелегального бизнеса и теневых доходов дало толчок появлению организованных групп, которые стремились изъять часть этих доходов. Причем, "теневики" были лакомым кусочком для рэкета, поскольку они не были заинтересованы афишировать свои доходы, а потому не обращались в милицию. Указанные средства стали экономической основой существования подростково-молодежных группировок, позволявшей им быть финансово самостоятельными. Вместе с развитием "левых" перевозок неучтенной продукции появилась потребность в ее сопровождении и охране. В ряде случаев катализатором формирования группировок стала именно эта "социальная потребность". К концу 1980-х годов подобная ситуация сложилась примерно в 40 городах бывшего Советского Союза.

Другим возможным объяснением появления группировок может быть пик индустриализации СССР, пришедшийся на 1950-е - 1970-е годы: Казань, Набережные Челны, Люберцы, Ульяновск были в ряду многих других городов, где высокими темпами шло строительство крупнейших промышленных предприятий (например, завода КамАЗ в Набережных Челнах, ряда военных заводов в Казани и Ульяновске и т.п.). Многие из участников "великих строек XX века" сохранили сельские нормы, ценности и традиции, перенеся их в трансформированном виде в урбанизированную среду. Одной из таких традиций были драки "деревня на деревню". Переселение бывших сельских жителей из бараков в новостройки, произошедшее в 1960-х - 1970-х годах в связи с масштабным "типовым жилищным строительством", привело к тому, что молодые жители дворов или "коробок" начали защищать свою территорию, устраивать драки "двор на двор", "улица на улицу" и т.п. Пик таких драк пришелся на начало 1980-х годов; тогда практически каждый юноша, живший в одном из домов - "коробок", должен был принимать участие в массовых драках под угрозой исключения из подросткового соседского сообщества. Аналогичным образом, мужчины, не принимавшие участия в сельских драках, считались слабыми и немужественными (исключение составляли лишь тяжело больные мужчины и те, кто обладал особым статусом в молодежной среде, например, гармонисты).

Вторая половина 1980-х была периодом первоначальной экономической либерализации, что также могло сказаться на развитии группировок. Этот период совпал с ростом криминальной активности: в 1989 и 1990 годах уровень преступности рос на 20-25% в год. Число преступлений, хотя и с некоторым замедлением темпов, продолжало расти вплоть до 1996 г., после чего произошла некоторая стабилизация. Переходный период в России сопровождался возникновением противоречивых ценностных полей различных социальных групп. С одной стороны, происходила популяризация демократии и рыночной экономики, а с другой, многие молодые люди стали осознанно выбирать альтернативные "преступные карьеры". Группировки же были и до сих пор остаются не только экономически эффективными преступными группами, но также и культурными аренами, на которых российские подростки проходят процесс социализации и формируют отношение к другим людям.

Российские группировки прошли несколько этапов в своем развитии. До 1980-х годов наблюдались лишь единичные случаи подобной групповой активности подростков; с начала 1980-х годов до середины 1990-х подростки в российских городах начали массово принимать участие в деятельности группировок, что привело к росту улич-

ного насилия и появлению групповых драк за территорию. В ходе этого периода достаточно большое число членов группировок было осуждено по таким статьям, как "ношение оружия" и "хулиганство", и помещено в места лишения свободы. Следующий этап развития группировок начался в середине 1990-х годов, когда бывшие члены группировок вернулись из заключения. Завоевав престиж сверстников, многие из них впоследствии стали лидерами преступных молодежных групп. Подобная ситуация, в частности, отличается от процессов, происходивших в Америке, где ценности шаек были привнесены в тюремную культуру, а не наоборот. Новая экономическая ситуация в стране изменила характер деятельности молодежных группировок: они перестали драться за территорию и начали искать способы зарабатывать деньги, прежде всего, нелегальные. Группировки стали более организованными и разделились на небольшие бригады, каждая из которых контролировала свою долю преступного бизнеса.

Проведенный нами экспертный опрос показал, что в Москве и Казани действуют различные типы группировок. К концу исследования мы обнаружили в Москве по крайней мере пять типов молодежных группировок, подходящих под формальное определение: группировки "казанского типа", скинхеды, футбольные болельщики, панки и группы молодых проституток ("коммерческих секс-работниц"), которые также действуют на определенной территории и защищают ее от враждебных групп. Ситуация в Казани кажется более однородной: большинство экспертов говорило о наличии только одного типа групп - "традиционных" казанских группировок.

Работа по опробыванию инструментария среди экспертов и школьников проводилась в этих же городах. Города-участники исследования были выбраны по следующим основным причинам: на территории Москвы как столицы России действует, пожалуй, наиболее широкий спектр молодежных групп, в том числе совершающих преступные и насильственные действия; Казань же была одним из первых российских городов, где в середине 1960-х годов были зафиксированы специфичные молодежные формирования, позже названные группировками. Группировки "казанского" типа позже были обнаружены в Москве и Санкт-Петербурге, широко распространив свое культурное влияние и став символом делинквентных групп молодежи.

Тестирование инструментария для опроса молодежи проводилось в 6 школах (по 3 в каждом городе). В выборку были включены различные типы школ (обычные средние школы, а также специализированные лицеи и гимназии) из различных городских районов (от центральных "элитных" до наименее социально благополучных пригородов). В каждой школе было выбрано по три класса из параллели 7-х, 9-х и 11-х классов. В итоге "сплошным" методом было опрошено 18 школьных классов; общий объем выборки составил 371 школьник. Причем, в Москве оказалось 40% респондентов (147 чел.), в Казани - 60% (224). Девушки составили 49% (180) опрошенных. Данная выборка недостаточна для адекватной репрезентации всей учащейся молодежи. Вместе с тем данные, полученные в ходе тестового исследования, позволили нам, кроме апробирования инструментария, выявить основные проблемы и сконструировать ключевые гипотезы для дальнейшего исследования.

В ходе экспертных интервью было опрошено 18 специалистов: 8 экспертов в Москве (2 милиционера, 4 руководителя районных отделов по профилактике преступности несовершеннолетних (ОПН); 1 руководитель научно-исследовательской организации, занимающейся проблемами молодежи и 1 представитель соседского сообщества) и 10 экспертов в Казани (2 представителя молодежных клубов, 1 начальник отдела Прокуратуры Республики Татарстан, 2 инспектора по делам несовершеннолетних (ИДН), 2 школьных учителя и 3 родителей подростков/представителей соседского сообщества).

В ходе экспертного исследования мы просили респондентов классифицировать известные им молодежные группировки в соответствие с типологией, предложенной исследователями "Еврогруппировка". В результате эксперты не проявили единства

в своих оценках. Так, группировки казанского типа описывались различными экспертами как классические, неоклассические, специализированные и коллективные.

Непростой задачей для экспертов стало определение точного числа и численности группировок, действующих на известной им территории. Они, в частности, отмечали, что такие цифры постоянно меняются в связи с появлением, слиянием и распадом проблемных групп. Упомянулось также, что часть группировок постоянно пополняется, другие могут постоянно избавляться от "балласта новичков" в целях сохранения силы и "крутизны". Как показало исследование, большинство экспертов обладает достаточно ограниченной информацией об описанных групповых процессах. Даже наиболее информированные эксперты (специалисты по работе с несовершеннолетними правонарушителями) старались не давать количественной информации или намеренно занижали цифры. В то же время тестовое исследование среди экспертов дало важные сведения о разновидностях молодежных группировок, существующих в Москве и Казани.

В то время как в большинстве опросов, проведенных в США, членство в группировках определялось методом самоидентификации [11], в рамках проекта "Еврогруппировка" была разработана альтернативная модель измерения вовлеченности подростка в деятельность группировки (так называемая "вороночная модель"). При этом молодым людям задавался блок вопросов о неформальной группе, в которую они входят: длительность существования группы, ориентация на проведение свободного времени на улице, групповая идентификация с противоправным поведением. Принадлежность к проблемной группе выявлялась в нашем вопроснике, адресованном школьникам, двумя способами: методом самоидентификации и с помощью "вороночной" модели, включающей блок вопросов о неформальной группе, в которую входит подросток. Целью данных вопросов является проверка соответствия характеристик группы формальному определению группировки. В ходе процедуры самоидентификации, респондентов спрашивают, можно ли назвать группировкой неформальную группу, к которой они принадлежат.

По данным нашего опроса школьников в рамках "вороночной модели", 11% опрошенных являются членами групп, которые могут считаться делинквентными группировками. Вместе с различием в типах группировок, зафиксированных исследователями в Москве и Казани, в этих городах также различается и уровень включения молодежи в деятельность таких групп. Так, в Москве, по мнению опрошенных, в деятельности группировок участвует вдвое больше школьников, чем в Казани. Всего в Москве в деятельность проблемных групп (термины "молодежная группировка" и "проблемная молодежная группа" употребляются как синонимы) включено около 15% респондентов - учащихся школ. Эта доля превышает аналогичный показатель в Европе и США примерно в три раза.

Девушки в целом включены в деятельность группировок примерно наравне с юношами (10% и 11% соответственно). В ходе предыдущих исследований казанских группировок было обнаружено, что они имеют жесткие гендерные ограничения, не позволяющие девушкам быть их членами. Можно сделать вывод, что девушки активно включаются в деятельность делинквентных групп, отличных от группировок казанского типа, например, - футбольных фанатов, скинхедов, панков, групп коммерческих секс-работниц или других проблемных группировок, не зафиксированных в настоящем исследовании. Не исключено, что девушки могут заявлять о своей причастности к деятельности группировки, не будучи практически в нее включенными (являясь, например, подругами юношей - членов группировок).

Различия в уровнях участия молодежи в неформальных группах в Москве и Казани (в отличие от группировок) не являются статистически значимыми (более трех четвертей всех респондентов члены той или иной неформальной группы). В то же время девушки чаще, чем юноши, заявляли о своем участии в неформальных группах (86% и 70% от общего числа респондентов соответственно).

Большая часть неформальных групп молодежи имеет уличный характер. Около 75% членов неформальных групп отмечает, что они обычно проводят совместное время в публичных местах - парках, дворах, на улицах. Территориальная "привязка" неформальных групп измерялась вопросом: "Есть ли у твоей группы место, которое вы считаете своим?". Тестовое исследование показало, что московские группы, по мнению респондентов, чаще имеют территориальную привязанность по сравнению с казанскими (с соотношением 1 : 0,69 соответственно). Девушки несколько чаще, чем юноши, заявляют о наличии "своей" территории (соотношение 1 : 0,76 соответственно). Среди наиболее популярных мест проведения группового досуга были названы: парки (10%), улицы или площади (9%), дома или квартиры (9%), перекрестки, пересечения дорог (5%), кафе (4%), бары (4%), а также прочие места (13%). Около четверти членов всех неформальных групп декларируют, что они защищают свою территорию от других групп молодежи, однако московские группы делают это почти в два раза чаще, чем казанские.

Российские молодежные группировки отличаются относительной долговременностью существования: более половины из них действует не менее года, причем данный показатель не различается в зависимости от возраста и пола респондентов. По результатам опроса можно сделать вывод, что московские школьники в два раза чаще, чем казанские, "нормализуют" (считают "нормальной") противоправную деятельность неформальных групп, в которые они входят. Данное различие еще более усугубляется, когда мы спрашиваем о противоправных действиях, совершаемых группой. На основании ответов респондентов оказалось, что члены группировок в Москве совершают делинквентные поступки примерно в три раза чаще, чем в Казани. Существенным является то, что юноши и девушки воспринимают криминальные действия как нормальные примерно в равной степени.

В рамках самоидентификационной модели определения членства подростков в делинквентных группировках обнаружилось, что в Москве 17% респондентов считали группу, в которую входят, группировкой или бандой, в Казани так думали 10%. Среди юношей такого мнения придерживались 14%, а среди девушек - 11%. Как видно, доли подростков, которых можно считать членами группировок согласно вороночной и самоидентификационной моделям, являются примерно равными. Это может означать, что обе модели вполне адекватно "работают" в российских условиях, а определение "группировки" или "банды" значит примерно одно и то же как для исследователей, так и для самих подростков.

Косвенным подтверждением присутствия группировок в городах является осведомленность подростков о существовании таких групп в районах своего проживания. В целом около половины всех респондентов заявили, что они знают о деятельности группировок в своих микрорайонах. Неожиданно уровень осведомленности оказался примерно равным в Москве и Казани, тогда как уровень признания своей вовлеченности в деятельность проблемных групп в этих городах значительно отличается. Исследование также показало, что доля девушек, знающих о существовании группировок в своем районе, несколько больше, чем доля юношей (соответственно 51 и 39%).

Одной из ключевых задач исследования было измерение степени группового включения в противоправную деятельность, а также выявление наиболее популярных в молодежных группировках видов делинквентного поведения. В то же время необходимо отметить, что формат пилотного исследования не дает нам возможности распространять полученные результаты на всю молодежь, а также сравнивать противоправное поведение подростков - членов и не членов группировок.

Среди наиболее "популярных" действий, совершаемых членами неформальных групп, можно выделить следующие: распитие алкогольных напитков, драки и рисование граффити (30%, 21% и 14% соответственно). Всего в неформальных группах по самоопределению состоят 78% опрошенных. Угрозами и шантажом занимаются 6%; повреждением чужого имущества - 18%; нанесением побоев - 4%; потреблением наркотиков - 18%. При этом фиксировались лишь те действия, которые совершались бо-

лее 5% участников неформальных групп. Важно отметить, что наше измерение делинквентной активности в результате опроса во время школьных занятий имеет значимые ограничения: можно предположить, что наиболее склонные к совершению делинквентных поступков школьники не присутствовали в классе в момент проведения опроса (для наших школ характерен высокий уровень пропуска уроков подростками без уважительной причины).

В целом, судя по результатам исследования, члены московских неформальных групп чаще включаются в делинквентную активность (соотношения степеней вовлечения подростков Москвы и Казани в драки составляет 1 : 0,5, угрозы и шантаж - 1 : 0,3, повреждение чужого имущества - 1 : 0,5, избиения - 1 : 0,6, рисование граффити - 1:0,3 (в ряде стран занятие граффити является противоправным действием, поэтому оно включается в инструментарий для проведения международного сравнительного исследования); употребление наркотиков - 1 : 0,25 и алкоголя 1 : 0,4 соответственно). Значимым представляется, что девушки, по их высказываниям, участвуют в противоправной деятельности наравне с юношами или даже чаще. Так, соотношение уровней включения девушек и юношей обоих городов в такие делинквентные деяния, как угрозы и шантаж составляет 1 : 0,7, употребление наркотиков - 1 : 0,3, распитие спиртных напитков - 1 : 0,8 соответственно.

В заключении подчеркнем следующее. Некоторые источники, в частности документы ООН, утверждают, что "поведение молодежи, не укладывающееся в рамки принятых социальных норм и ценностей, часто является особенностью процесса взросления и имеет свойство спонтанно завершаться при переходе во взрослую фазу; большинство подростков совершает мелкие правонарушения без последующего выбора преступной карьеры" [12]. Соглашаясь с этим, отметим, что, по нашим данным, подростки нередко создают стабильные криминальные группы с соответствующей субкультурой, а с возрастом начинают включаться в деятельность взрослых преступных группировок. Статистические данные о делинквентном поведении во многих странах свидетельствуют о том, что оно является групповым феноменом: от 2/3 до 3/4 молодежных правонарушений совершается в группах. Важным аспектом подростковых групповых микрокультур является то, что они формируют образцы поведения, имеющие существенное символическое значение для их индивидуальных носителей. Даже в случае, когда подросток совершает индивидуальное правонарушение, он нередко тем самым ассоциирует себя с какой-либо группой. Вместе с тем данные нашего опроса экспертов свидетельствуют, что групповой характер делинквентного группового поведения нередко игнорируется в правоохранительной и воспитательной практике. Наши данные о делинквентной групповой активности девушек также расходятся со стереотипами антикриминальной молодежной политики, согласно которой, по мнению экспертов, девушки практически никогда не были ее особым объектом воздействия.

Если модели определения членства в группировке, разработанные в рамках европроекта, достаточно адекватны для применения в российских условиях, то типология шаек Клейна и Максон оказалась достаточно противоречивой. Эксперты, принявшие участие в пилотном исследовании, не проявили единства в отнесении различных группировок к идеальным типам проблемных молодежных групп, представленным в данной типологии. Подобную ситуацию можно объяснить тем, что похожие по своему типу группы отличаются способами своего формирования и групповой динамикой в зависимости от социального и культурного контекста. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей работы над типологией группировок и адаптации ее к российским условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Салагаев А.Л.* Подростковая компания и предкриминальная группировка как условия социализации // Актуальные проблемы социального развития региона. Тезисы международ-

- ной конференции. Барнаул, 1989. С. 12; его же. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань, 1997.
2. *Maxson C.L.* A proposal for multi-site study of European gangs and youth groups // Klein M.W., Hans-Jiirgen K., Cheryl L.M., Elmar G.M.W. (eds.). *The Eurogang Paradox: Street Gangs and Youth Groups in the U.S. and Europe.* Dordrecht, 2001.
  3. *Салагаев А.Л., Максудов Р.Р.* Подросток в городе: проблемы социализации. Казань, 1988.
  4. *Овчинский В.С.* "Гастрольные" поездки антиобщественных группировок подростков и молодежи // Развитие социальной активности подростка. Тезисы докладов республиканского научно-практического семинара. Казань, 1989. С. 132-134; *Кашелкин А.Б.* Межрегиональный криминологический анализ подростково-молодежных группировок с антиобщественной направленностью // Социологические аспекты государственно-правовой работы в условиях перестройки. Казань, 1990.
  5. *Сибиряков С.Л.* Уличные группировки молодежи в г. Волгограде // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990.
  6. *Прозументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993; *Булатов Р.М., Шеслер А.В.* Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки. Казань, 1994. Теоретическая часть данной работы (классификация группировок, терминология и др.) почти полностью повторяет аналогичные разделы монографии Л. Прозументова, вышедшей годом ранее.
  7. *Петелин Б.Я.* Организованная преступность несовершеннолетних // Социол. исслед. 1990. № 9. С. 92-98.
  8. *Агеева Л.В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань, 1991.
  9. *Гильманов И.М.* Криминологическая характеристика антиобщественных подростково-молодежных группировок Республики Татарстан: Автореф. канд. дис. Казань, 1995; *Шестаков С.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений участников молодежных группировок по месту жительства: Автореф. канд. дис. М., 1996.
  10. *Klein M.W., Kerner H.-J., Maxson C.L., Weitekamp E.* (eds.) *The Eurogang Paradox: Street Gangs and Youth Groups in the U.S. and Europe.* Dordrecht, 2001.
  11. *Fagan J.* The Social Organization of Drug Use and Drug Dealing Among Urban Gangs. // *Criminology* 27. 1989. № 4. P. 633-6932; *Esbensen F.-A., Winfree L.T.* Race and Gender Differences Between Gang and Nongang Youth: Results of a Multisite Survey // *Justice Quarterly*. 1998. № 15. P. 505-26.
  12. United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (The Riyadh Guidelines). Adopted and proclaimed by General Assembly resolution 45/112 of 14 December 1990.